

ВИКТОР
БАЛАШОВ

**ЗА
ОГРАДОЙ
ЗООПАРКА**

ИЗДА-
ТЕЛЬ-
СТВО
«**МА-**
ЛЫШ»
1970

ОБМАНУТАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Из всего обезьянника шимпанзе Мадам самая подозрительная и недоверчивая. Даже ухаживающая за ней женщина не сумела заслужить расположения вздорной обезьяны. О врачах и говорить нечего. Один вид человека в белом халате приводит Мадам в ярость. Что сделаешь, знакомство с врачебным халатом не всегда оставляет приятные воспоминания.

Когда выяснилось, что шимпанзе заболела расстройством желудка, «обезьяний» доктор Леонид Павлович невесело пошутил, что ему придётся переодеться.

В самом деле, заметив ещё издали знакомую длинную фигуру в белом халате, больная обезьяна поднимает истерический визг и мечется по клетке, выискивая, чем бы запустить в непрошеного гостя. Доктору такой приём не в диковинку. Он идёт на склад и выходит оттуда в неприметном, чёрном халате, какие носят все служители зоопарка. В такой одежде уже легче спрятаться в толпе посетителей и незаметно просунуть палку с гроздью винограда на конце.

Сначала всё идёт как нельзя лучше. Обезьяна лениво покачивается на качелях и совершенно не интересуется публикой. Она крайне удивлена, когда у неё перед носом вдруг появляется гроздь винограда, тем не менее быстро хватается за палку и овладевает неожиданным богатством.

Обрадованный лёгким успехом, Леонид Павлович забывает про осторожность и тихо тянет на себя палку, которую Мадам ещё не успела выпустить... Какая непростительная оплошность! Шимпанзе узнаёт своего «недруга». Палка вмиг разламывается пополам, и обломки её со свистом летят в голову «обманщика».

Провожаемый возмущённым визгом, доктор прячется за соседними клетками и безнадёжно наблюдает оттуда за дальнейшими событиями.

Немного успокоившись, Мадам придирчиво рассматривает и обнюхивает каждую ягоду. Неужели обнаружит!! Дело в том, что в одной из ягод спрятана желатиновая ампула с лекарством — горьким синтомицином.

Ага! Начинает осторожно скусывать по одной ягодке. Однако жевать не спешит: выдерживает каждую виноградину во рту, будто прислушивается к чему-то. Знает, что доктор без подвоха угощать не станет. Так и есть! Морщинистую физиономию Мадам повело набок, она поперхнулась, закашлялась и, заливаясь обиженным плачем, выплёвывает жёванный виноград.

С этого часа и без того осторожная больная обезьяна сделалась совсем несносной. На какие только хитрости не пускался Леонид Павлович, чтобы заставить её принять необходимое лекарство! Не раз по его просьбе кто-нибудь из публики подбрасывал в клетку дорогие конфеты. Но у Мадам хватало терпения крошить каждую конфету в ладони, прежде чем отправить в рот. Апельсины она расщипывала на дольки и обследовала чуть не до единого семечка. Яблоки давила в кулаке, а затем с видом опытного исследователя расковыривала ногтем от кожуры до сердцевины всю мякоть плода.

Пробовали заклеивать лекарство в скорлупе грецкого ореха, вдували порошок в отверстие, проделанное в сыром яйце, — раньше Мадам выпивала их единым глотком. Всё напрасно. Каким-то особым чутьём обнаруживала она замаскированное лекарство и принималась горестно скулить.

Оставалось последнее средство: перевести упрямыцу в изолятор, посадить в специальную клетку, стиснуть её между двумя решётками и влить лекарство насильно. Леонид Павлович заранее представлял себе, как будет метаться истеричная обезьяна, грызть стальные щипцы, которыми придётся разжимать ей рот, выплёвывать лекарство.

Не хотелось причинять такие неприятности ценному животному. Мадам надо было лечить в привычных для неё условиях.

Перед тем как решиться на крайнюю меру, доктор отправился за советом к старому профессору-зоологу, большому знатоку обезьян.

— А вы не пробовали разыграть сценку, будто обезьяна сама стащила лакомство, а не получила его из рук человека! — спросил профессор, терпеливо выслушав жалобы доктора. — Не пробовали! Тогда испытайте.

На следующее утро с крыши клетки повис на нитке спелый лоснящийся помидор. Мадам, разумеется, попыталась овладеть им. Но не тут-то было! Хотя и длинна рука, да не достать. И так и этак приловчалась лакомка — нет, не дотянешься!

Что делать! Неудача так неудача! Хорошо ещё, есть чем утешиться. Можно покачаться на качелях, полазить по шесту или покатасть по полу гремющую бочку.

...Однако завтрака всё нет, а помидор так и дразнит, так и горит на солнце... Новая попытка захватить лакомство. И тут же грозный окрик служительницы:

— Не трогать! Назад!

Кричи себе, кричи. Не очень-то страшно. Удалось бы вот только дотянуться, а там пусть попробуют отнять! Но нет! На целую ладонь коротка рука. Вот незадача!

Снова поскрипывают качели. Но теперь всё внимание Мадам поглощено недостижимым помидором. Она готова кричать с досады. Ведь так близко — и не ухватишь!

В соседних клетках обезьянам принесли корм. И справа и слева — аппетитное чавканье. Мадам возмущённо запрыгала по клетке. Служительница — ноль внимания. Даже отвернулась. Зато помидор... Придвинулся как будто поближе. Косматая рука снова просовывается между прутьями. Хвать!

— Стой! Стой! Назад! — отчаянно кричит служительница.

Кричи себе! Только сок брызнул изо рта.

К вечеру того же дня кто-то растерял замечательные сливы на барьерчике перед клеткой. Не упускать же такого случая! На другой день прямо из-под носа служительницы удалось сцапать чудесную спелую грушу.

Для Мадам наступило весёлое добычливое время. Стоит только пошарить по сторонам глазами, непременно найдёшь что-нибудь. Хорошо, что ещё не перевелись ротозей на свете! А находки приходились как нельзя кстати, потому что аппетит становился с каждым днём всё лучше.

...Что ж! На здоровье, Мадам!

ЛЮСЬКА-ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

Внешность у Люськи была не особенно примечательной. Походила она на шпица, но в отличие от этих белоснежных собак масть у неё была тёмно-бурой с чернью по спине и на морде. Интересными у неё были только глаза, умные весёлые глаза, в которых так и светилось безграничное доверие к человеку.

В зоопарк Люську привели юннаты, когда выяснилось, что самка ягуара окончательно бросила двух новорождённых детёнышей, и малышам угрожает голодная смерть.

С переселением особых хлопот не было: один из мальчиков взял единственного Люськиного щенка на руки и направился с ним к выходу. Этого оказалось достаточно, чтобы Люська навсегда покинула привычный угол под каменной лестницей. Протестовать она не смела, только всю дорогу тянулась мордой к щенку, помахивала хвостом и жалась к ногам мальчугана, как бы умоляя его быть поосторожней.

Впервые беспокоилась Люська уже в зоопарке, когда её заперли в чьей-то остро пахнущей клетке, а щенка унесли неведомо куда. Бедная мать не могла даже есть, хотя в другое время принесённый санитаркой тёплый мясной суп ей бы очень понравился.

А в это время щенка купали в одной воде с ягуарчиками, чтобы те хоть немного пахли щенком. И вот Люську повели в просторный побелённый сарай, где стояли клетки, большие и маленькие, низкие и высокие, с решётками из толстых стальных прутьев и просто обтянутые проволокой сеткой. Большинство клеток пустовало, но в некоторых жили какие-то звери. Какие, Люську не интересовало — среди чужих, незнакомых запахов она сразу уловила родной запах сына. То-то было радостное свидание! Он оказался в одной из больших клеток, в ящике с тёплой подстилкой. Рядом копошились два писклявых незнакомых зверёныша. На них Люська поначалу не обратила ни малейшего

внимания. Надо было скорее убедиться, что с сыном ничего скверного не случилось, облизать его, так как от малыша как-то странно пахло, и конечно, тотчас накормить, ведь кроме неё этого никто не смог бы сделать.

И лишь когда насытившийся кутёнок заснул, Люська заинтересовалась пятнистыми незнакомцами. Голодные слепые ягуарята ползали по ящику на трясущихся лапках и хрипло попискивали. От них исходил подозрительный кошачий запах и в то же время немножко пахло щенком. Они были так же беспомощны и беззащитны, как её детёныш, по-видимому, так же хотели есть, и этим расположили к себе её материнское сердце. Во всяком случае, когда один из ягуарчиков нащупал сосок у неё на брюхе и успокоенно зачмокал, Люська не сопротивлялась. Наоборот, лапой придвинула к себе второго и принялась вылизывать обоих, чтобы истребить этот противный кошачий запах. Наблюдавшая в сторонке фельдшерница облегчённо вздохнула: «Усыновила! Может быть, теперь выживут».

Вместе со щенком, которого называли Братиком, росли и крепи пятнистые кошки Милка и Прыгун — Люська кормила их всех.

Шли дни, недели. И вот однажды ошеломлённая Люська отлетела в даль-

ний угол клетки, сбитая увесистой лапой расшалившегося Прыгунка. В другой раз её крепко придавила к земле увёртливая Милка. Но для Люськи они всё ещё оставались маленькими, потому что продолжали требовать её молока, а это побуждало заботиться о них, как о детишках.

Незаметно вырос и был уведён куда-то Братик. Люська не тосковала: один сын давно не нуждался в её опеке. Другое дело — великорослые, но такие ещё неопытные ягуарчики. Они ещё не прочь были полакомиться её молоком, когда их, неразумных, перевели на площадку молодняка.

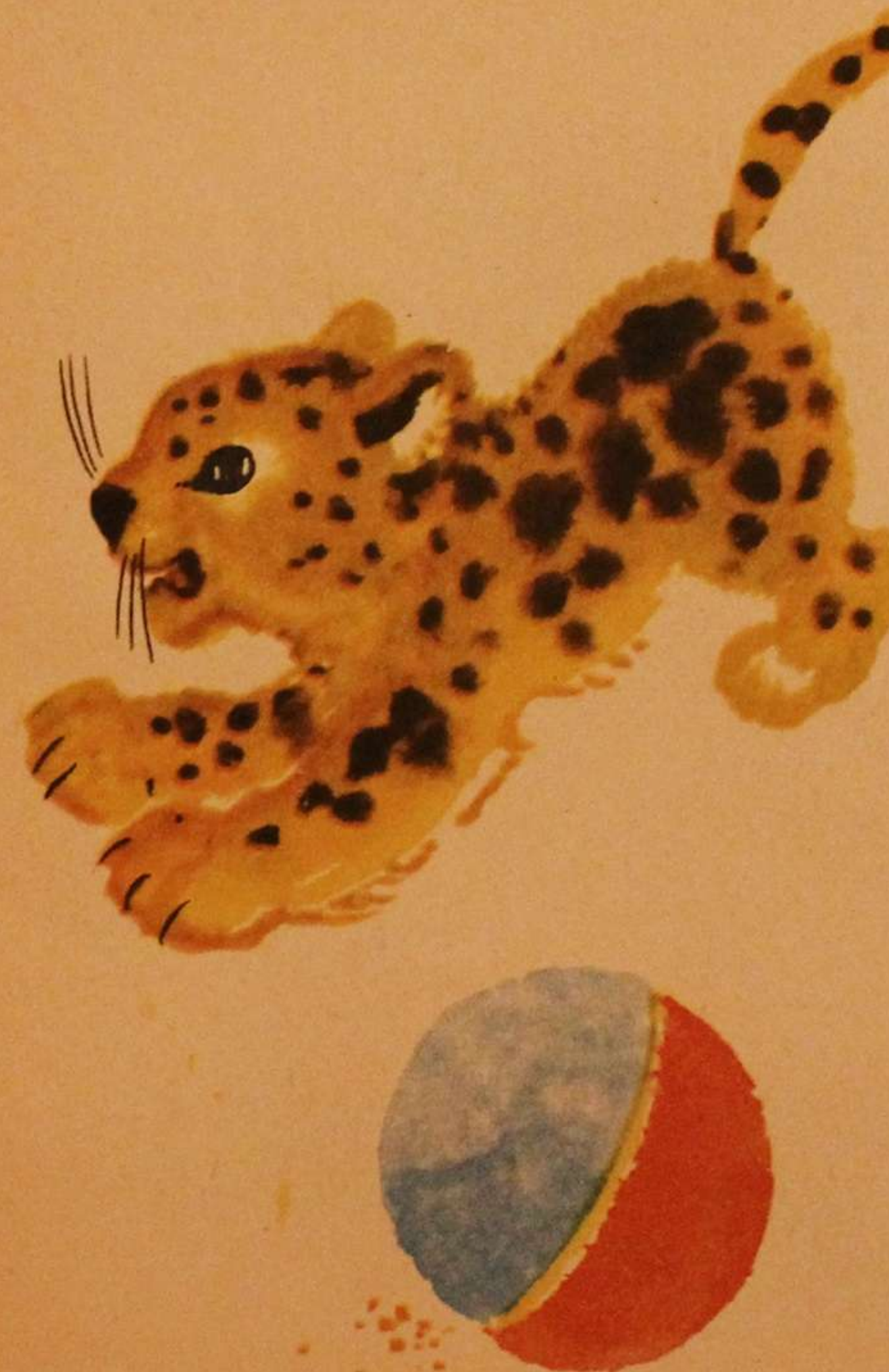
Люська загрустила. Выпущенная в сарай, она весь день жалась к запертой клетке, где вырастила своё необычное семейство. Временами ей мерещилось, будто в тёмном углу копошатся её пятнистые воспитанники. Она протискивала голову между прутьями и долго, напряжённо всматривалась в полумрак.

Жизнь сделалась ещё тоскливее, когда в клетке, которую Люська привыкла считать вторым домом, поселился угрюмый больной лев Моисей. Теперь всякий раз, когда Люська заглядывала в клетку, новый хозяин приоткрывал один глаз, обнажал страшный желтоватый клык, а в горле у него начинало что-то рокотать. Другие жильцы изолятора тоже не отличались любезностью. То-

щая нервная лиса визгливо тявкала из угла своей клетки, когда Люська проходила мимо. Тупорылый крокодил шипел на неё и лязгал челюстью. Третий больной — неподвижный, словно вырубленный из пенька, филин — так откровенно не выражал неприязни и только перекачивал свои огромные стеклянные глаза в ту сторону, куда перебегала не находившая себе места Люська.

Всю ночь, изнывая от одиночества, Люська протяжно, по-волчьи, завывала в изоляторе. А утром её решили пустить на площадку молодняка.

И вот, поджав хвост, Люська опасливо жмётся к решётке и предупреждающе скалит зубы, стиснутая разношёрстной любопытной толпой звериной молодёжи. Вдруг с радостным мурлыканьем, перескакивая через одних и бесцеремонно расталкивая других сверстников, к Люське пробилась Милка и Прыгун. Счастливая

собачка сразу позабыла о странном окружении и, хотя питомцы уже давно переросли её, принялась торопливо и ревностно вылизывать их. Звериная молодёжь разбежалась кто куда. Вскоре умчались и Милка с Прыгуном. Обиженная Люська долго наблюдала из угла, как резвились её питомцы, отнимая мяч у толстолапного увальня львёнка. Когда же львёнок, рассердившись, закатил Милке оплеуху и та произительно завизжала на весь загон, Люська не выдержала: сшибла грудью обидчика и, не давая ему опомниться, крепко натрепала за холку.

С этого момента определилась новая Люськина должность — должность воспитательницы.

Люська как бы поняла, что в окружающей её компании она самая старшая и опытная и именно ей надлежит следить здесь за порядком. И зверюшки, что послабее, скоро почувствовали: у них появился надёжный заступник. Завизжит ли полосатый кабанчик, притиснутый медвежонком, — косолапый задира уже озирается по сторонам тревожно округлившимися глазёнками. Знает шельмец, что Люська терпеть не может забияк. И действительно, та уже спешит к месту происшествия. Тикёт носом в бок обиженному и подозрительно уставится на попятившегося медвежонка. Иногда просто поворачит сивозь оскаленные зубы, а то и куснёт за лапу — не дерись!

Служительницы сразу заметили, что с появлением Люськи происшествий на площадке стало куда меньше.

Интересно отметить, что Милке и Прыгуну, случись им провиниться, тоже пощады не было. Родственные отношения не шли в счёт: набедокурил — получи по заслугам!

Любопытно было и другое: если силы спорщиков оказывались равными, то Люська не особенно старалась выискать зачинщика. Подерутся, бывало, двое лисят, оба взъерошены, приплясывают на пружинистых ножках, насканивают друг на друга. Явится Люська, растолкает драчунов в стороны, послушает того, другого — да и затрусит восвояси. Иное дело, если, скажем, тигрёнок повздорил с лисёнком. Тут уж взыскивалось с сильнейшего — с тигрёнка. А тот, хоть и бывал подчас вдвое сильнее и больше Люськи, сопротивляться не смел — старшая как-никак!

Обязанности воспитательницы оказались не из лёгких. К вечеру Люська едва таскала ноги от усталости. Всё меньше ласк перепало на долю Милки с Прыгуном. Да и те не льнули, как бывало, к своей маленькой кормилице. Теперь ведь не только они нуждались в её покровительстве.

Однажды с Далёкого Севера доставили в зоопарк маленького полярного медвежонка по кличке Вьюга. Когда Вьюгу водворили на площадку молодняка, никто, конечно, не предполагал, что у косматой гостьи окажется такой злобный, неуживчивый нрав. Вьюга не пожелала знакомиться ни с кем. Окружённая ватагой любопытных зверьков, она равкнула, совсем как большая медведица, привалилась спиной к прутьям изгороди и угрожающе взмахнула передними лапами.

Волчонок поплатился за любопытство первым. Сунувшись слишком близко к незнакомке, он вдруг взлетел на воздух, ударился о кормушку, коротко взвыл и заковылял на трёх лапах прочь. Тотчас отчаянно заголосил кабанчик. Он тоже угодил под тяжёлую лапу северной гостьи. Такого Люська, разумеет-

ся, не могла снести. Презируя опасность, она самоотверженно кинулась на защиту своих подопечных.

... Был вечер. В медпункте дежурная сестра убирала в стеклянный шкаф лекарство. Утомлённый за день доктор мыл руки, когда двое служительниц внесли на растянутом мешке Люську.

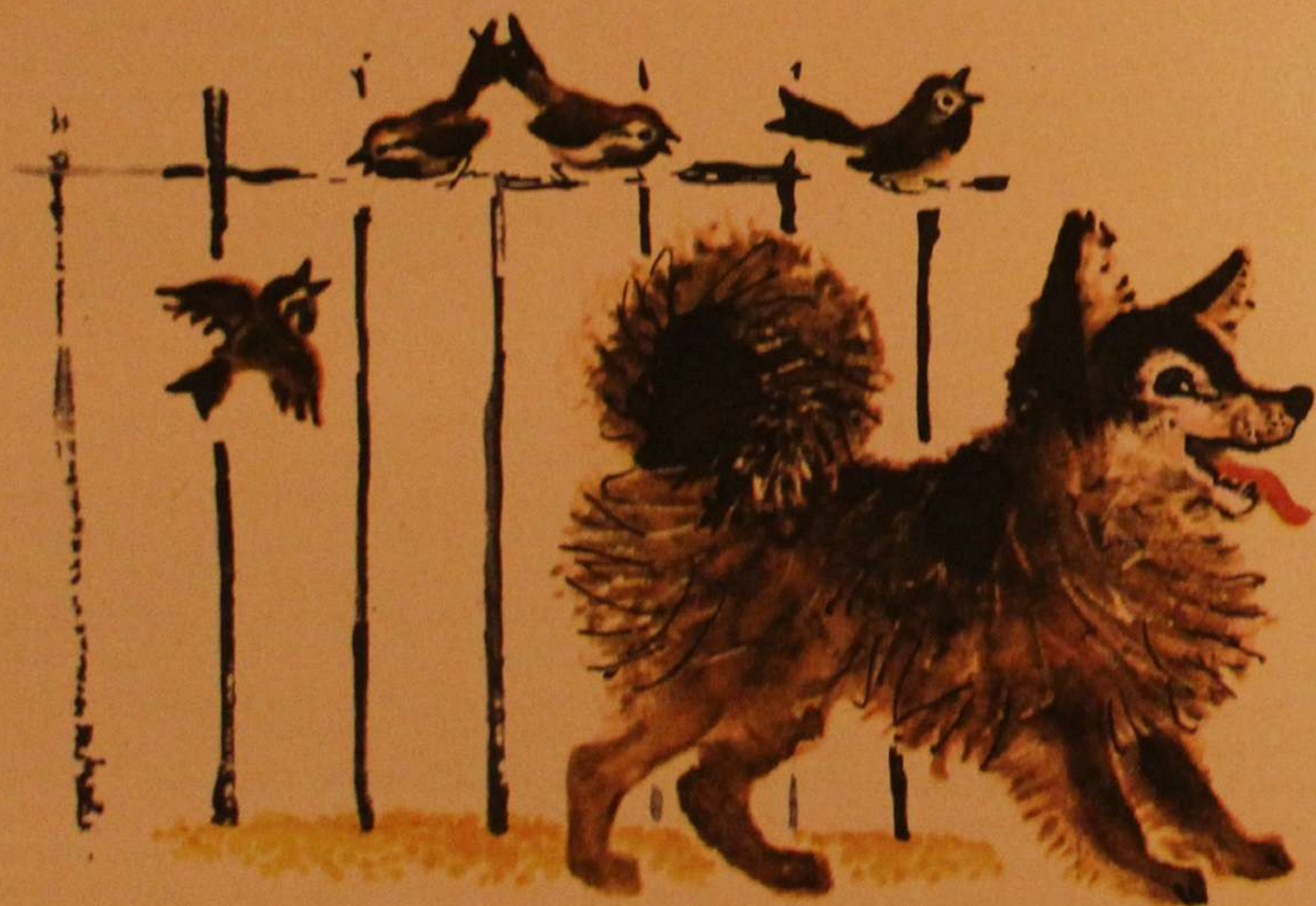
Словно разодранную куклу, её до утра сшивали на операционном столе. Сшивали без всякой надежды на то, что выживет. Просто у доктора и его помощников не была бы на месте душа, если бы они не сделали для Люськи всего, что было в их силах. Эта милая самоотверженная собачка успела завоевать симпатию всех сотрудников зоопарка.

... И Люська с лихвой отблагодарила медиков за тревоги той бессонной ночи: она выжила.

И позже, под осень, когда доктор во время обхода замечал на площадке молодняка хлопотливую, чуть прихрамывающую собачку, он нарочно громко спрашивал своего помощника:

— Скажите, неужели это прыгает то самое, что приволокли нам однажды на мокром мешке! То, что мы всю ночь сшивали-смётывали из рваных клочков!

И, будто желая доказать, что она и есть «то самое», Люська со всех ног мчалась к решётке, тёрлась о неё и повизгивала, как маленькая, выпрашивая ласки. В этом ей, конечно, никогда не отказывали.

САМОУЧКИ

Иногда думают, будто посетители действуют на зверей раздражающе. Это не совсем так. Слов нет, кормящую самку, которой повсюду мерещатся враги, посторонние люди раздражают. Бык антилопы гну — неисправимый задира, изнывающий от тоски, если не с кем подраться, тоже смотрит на посетителей как на возможную мишень для своих рогов. Не будь трёхметровой решётки с козырьком поверху, он показал бы кое-кому, что такое настоящие кинжальные рога! Но для большинства зверей посетители — гости желанные. Есть на кого поглазеть, у кого выклянчить гостинец.

Издавна живут у нас в вольере два гималайских медведя — Маг и Кокетка. От своих бурых сородичей они отличаются тёмно-каштановой, почти чёрной, окраской меха, густыми бакенбардами да ещё широкими белыми салфетками на груди. Внешность у них привлекательная, ничего не скажешь. Но не только поэтому возле мишек постоянно толпится народ. Дело в том, что Маг и Кокетка — артисты-самоучки, и хотя репертуар их не очень разнообразен, повторять его они не устают с утра до вечера.

У каждого артиста своё излюбленное местечко — ровная площадка, отполированная до глянца в результате непрерывных выступлений. Арена не ахти какая обширная, но вполне устраивающая наших артистов.

Вот Маг усаживается перед публикой на своём «пяточке», подымается на задние лапы, а передними начинает колотить по круглому брюху. Чёрный шершавый нос его важно задран кверху, большая косматая голова покачивает-

ся в такт ударам. Публика смеётся. Маг усердствует ещё больше, так что брюхо колышется, а звонкие шлепки слышны даже на дальней аллее.

Закончив номер, Маг просит публику поделиться кто чем может. Он красноречиво поглаживает по брюху одной лапой, а другой машет к себе. Разве снаречиво поглаживает по брюху одной лапой, а другой машет к себе. Разве тут не догадаешься, чего от тебя ждут! Через каменный барьер летят конфеты, кусочки булок, а то и обгрызанный наполовину стаканчик с мороженым. Артист спешно подбирает всё это, в благодарность кивает головой, и концерт продолжается.

Второй номер тоже пользуется успехом. Номер несложен. Опершись на передние лапы, надо поджать задние и слегка покачать туловищем. Вот и всё. Просто и неумолимо, а добрая публика хохочет от души и охотно кидает угощения.

А рядом, на своей площадке, выступает Кокетка. Она может делать то же, что и приятель её — Маг, и кроме того, умеет, будто крайне чем-то смущённая, закрывать морду лапой. Но даже и это ещё не всё. Артистка умеет передними лапами приподнимать задние. Причём она может приподнимать их и попеременно, и сразу подхватывать вместе. Сами видите, репертуар нешуточный.

Где-то между аренами артистов проходит невидимая для зрителей, но очень хорошо известная медведям граница. Если гостинец падает на левую сторону этой условной границы, Маг смело пригребает его к себе; если справа — гостинец ловко подхватывает Кокетка. Посягательства на чужую территорию бывают редко и только со стороны Мага, который, уступая подруге не только в репертуаре, но и в изяществе исполнения, собирает на своей половине меньшую жатву. Интересно, что, воруя с площадки соперницы не им заработанные подарки, Маг чувствует себя виноватым и никогда не защищается, получая заслуженную оплеуху.

Бывает, к великому удовольствию зрителей, вориска от увесистого пинка летит в ров с водой и, пока пыхтя и охая, выбирается на арену, Кокетка успевает подчистить все гостинцы по обе стороны границы. Это уже в отместку. Маг обиженно урчит, взгромождается на своё «рабочее» место и барабанит по мокрому брюху, ревниво кося глазами, — куда упадёт ожидаемое за номер лакомство.

Такой самодеятельный концерт может продолжаться часами изо дня в день. Некоторые из зрителей полагают, что мишек плохо кормят, вот они и «подрабатывают» к пайку. Это вовсе не так. Звери не голодны. Положи им служитель те же лакомства в кормушку, они не станут есть. Видимо, заработанный своим трудом хлеб слаще дармового. Любопытно также, что артистов никто не обучал никаким фокусам. Всему они научились сами, подметив, что зрителю это нравится и что за это зритель щедро награждает.

О ВЕЛИКОДУШИИ

Рассказ о звере, о хищнике, и вдруг такое слово — великодушие. Уместно ли! А вот судите сами...

Жила у нас в зоопарке бенгальская тигрица Анжелика, рослая и красивая зверина. Нрава была не то чтобы особенно лютого, однако руку сквозь решётку не суй. Ловкости и быстроте Анжелики могли позавидовать даже обезьяны. Представьте — этакая махина, а воробья на лету лапой изловчалась сбивать.

И случилось однажды — попал в клетку к этой красавице котёнок, обыкновенный домашний котёнок, дымчатый, с белым галстучком на грудке. Как именно попал, понять нетрудно: из посетителей кто-нибудь в вольер подбросил. Всякий же народ бывает.

Но котёнку удалось незаметно улизнуть из вольера и притаиться на окне просторной клетки, куда перегоняют тигрицу на ночь. Бедняге показалось, наверно, что там-то его никто не достанет.

Вечером голодная Анжелика проскользнула из вольера в свою «спальню» и, конечно, по запаху сразу определила, что здесь кто-то есть. Она мгновенно обернулась вокруг хвоста, оглядела стены и на окне, возле решётки, приметилла маленького гостя. Котёнок сложился пополам, так что все четыре лапки его сомкнулись в одной точке, взъерошился и угрожающе зашипел, всё выше вздымая сгорбленную спинку и торчком выставив распушенный хвост. Он, видимо, рассчитывал, что полосатая хозяйка забьётся с перепугу в угол и будет отчаянно звать на помощь.

Целую минуту Анжелика с интересом разглядывала храброго малыша. Кончик её упругого хвоста нервно дёргался из стороны в сторону. Затем тигрица вскинулась на задние лапы, оперлась передними о каменный косяк окна и потянулась носом к котёнку.

Вы, конечно, думаете, что котёнок сжался в комочек, зажмурился от ужаса. Ничего похожего! Он свирепо оскалился, зашипел и вдруг, подпрыгнув, уда-

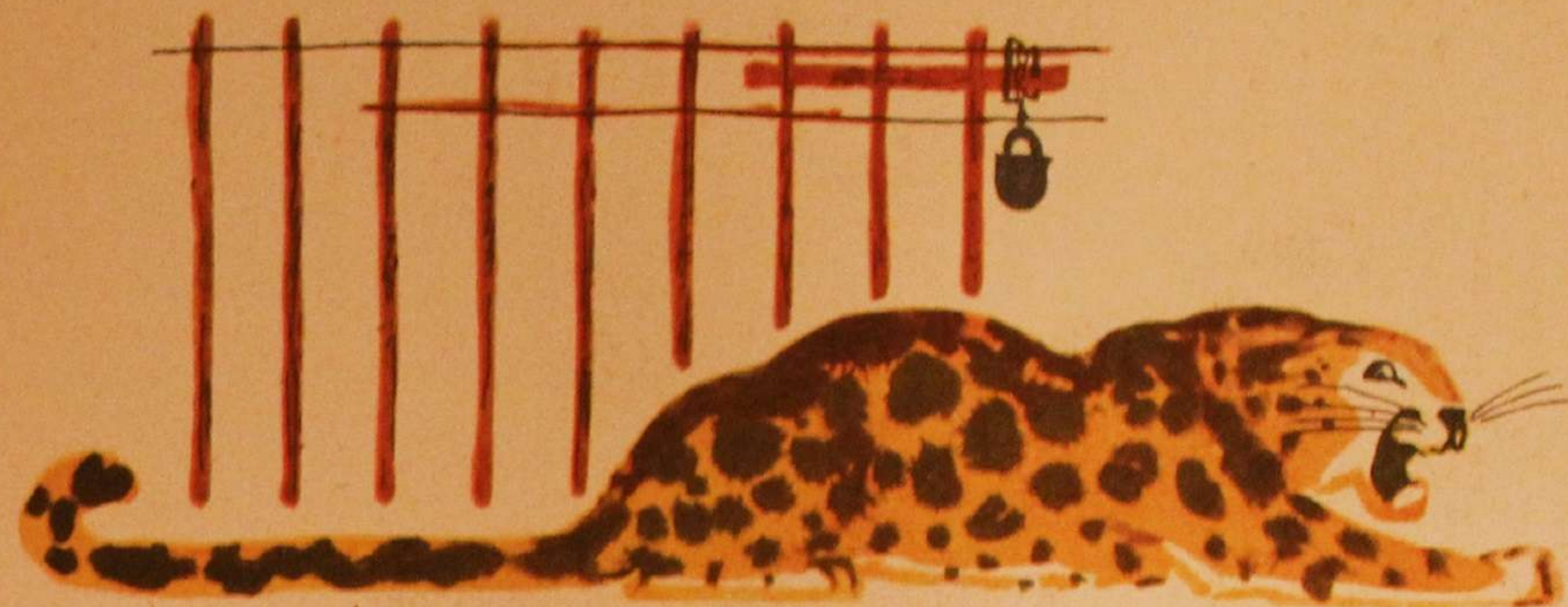
рил тигрицу по носу своей крошечной лапкой. Та фыркнула, мотнула головой.

Мы замерли — теперь-то уж тигрица чуть тряхнёт лапищей, и маленький забияка бесчувственный свалится на пол. Но нет, Анжелика только дохнула на котёнка, отчего пушистая взъерошенная шёрстка его прилегла к тельцу, и драчун сделался совсем крошечным. Правда, шёрстка вздыбилась снова, и котёнок вновь бесстрашно кинулся на своего врага.

На сей раз Анжелика увернулась и рывкнула так, что в дальнем углу с перепугу раскашлялась и взвыла гиена. От ужаса котёнок подскочил кверху и в порыве отчаяния чуть не вцепился всеми четырьмя лапами в морду тигрицы, однако промахнулся и сам чудом удержался на подоконнике.

Битый час Анжелика забавлялась с котёнком, не пуская его с окна и в то же время, делая вид, будто вынуждена защищаться от его непрерывных атак. Малыш, похоже, и в самом деле решил, что его боятся: едва огромная полосатая морда оказывалась рядом, котёнок пыжился изо всех сил, угрожающе шипел и всё норовил вцепиться коготками в широкий сморщенный нос зверя.

Получив на ужин телячью ногу, Анжелика оставила живую игрушку и принялась с хрустом дробить кость своими мощными челюстями. Котёнок же, улучив подходящий момент, перемахнул через тигрицу, шмыгнул меж прутьями клетки — да и был таков.

ЗОВ СВОБОДЫ

Пойманный всего три дня назад, он был доставлен на самолёте из Индии. В пути леопард гордо отвергал пищу и только дважды, когда ненавистный проводник засыпал, притрагивался к воде.

Трое суток голодовки для хищника кошачьей породы — событие не особенное, поэтому в зоопарк леопард прибыл вполне здоровым.

Это был необыкновенно крупный и редкостный по красоте экземпляр. Жёлто-золотистая шкура зверя щедро расписана каштановыми подпалинами. Безукоризненные пропорции мускулистого тела, врождённая грация движений. Да что говорить! Надо было видеть зверя, чтобы понять, почему, невзирая на запрет, сотрудники зоопарка под любым предлогом забегали в изолятор и подолгу с радостным восхищением любовались новичком.

Сам же леопард ни к чему не проявлял интереса. Гордо прищуренные глаза его выражали безграничное презрение и к людям, и к своей клетке, и к белым стенам изолятора с едким запахом карболки. Первые дни могучий пленник ещё с рычанием бросался на санитаров, приносивших ему пищу, потом, убедившись, что никакого вреда причинить им не может, он уже не подымался с места при появлении людей, даже не поворачивал головы.

Всех не на шутку тревожило, что леопард по-прежнему не притрагивается к пище. К вечеру первого дня убрали от него нетронутый кусок говядины. На второй день предложили пленнику парного мяса — тушку только что забитого молочного поросёнка. Гордец не удостоил вниманием и это угощение. Пущенного в клетку кролика он попытался убить лапой, но промахнулся, а новой попытки уже не делал. Бедный зверёк целые сутки просидел в углу клетки и лишь на другой день, полуживой от ужаса, был удалён сердобольной санитаркой.

Прибегать к насильственному кормлению доктор ещё не решался. Грозный пациент внушал к себе чувство, похожее на уважение, даже симпатию.

Не раз удавалось доктору наблюдать за зверем украдкой — из соседней комнаты. Оставаясь один, леопард несколько оживлялся, приподымал голову и неотрывно смотрел сквозь зарешечённое окно на освещённые солнцем

листья клёна. Одно стёклышко окна было разбито, и пленника ласкал залетававший с воли ветерок. Гладкая шерсть на его загривке подымалась дыбом, а тело сотрясалось мелкой дрожью.

Однажды перед грозой, когда стремительный шквал ветра ворвался в разбитое окно, леопард вдруг вскочил и с неожиданной яростью бросился на решётку своей тюрьмы.

День ото дня силы оставляли красавца леопарда. Для всех было ясно, что не болезнь, а страстная, неутолимая жажда свободы подтачивает его. Как ни строги карантинные правила, пришлось сделать из них исключение. Леопард досрочно был выпущен в просторный вольер.

Здесь имелось как будто бы всё, что он потерял вместе со свободой, — и синее небо над головой, и высокая трава, и вольный ветер, и прозрачная вода в бассейне, и замшелые камни, и даже неглубокая пещера в скале.

В первые минуты леопарду показалось, что он на свободе. Он спрыгивал в ров, с непостижимой ловкостью влезал до самой вершины засыхающего дерева, кидался на отвесную скалу из бетона, вновь и вновь обегал вокруг вольера, возбуждённо нахлёстывая хвостом по бокам. Наконец он понял, что это та же тюрьма, клетка. Он лёг возле дерева, положил голову на передние лапы и уже не поднимался до самого вечера. С закрытием парка его едва удалось поднять струёй воды, чтобы перегнать в клетку.

Вид у него был ужасен: недавно безукоризненно чистая лоснящаяся шерсть торчала дыбом, на впалых боках проступили рёбра. Тусклый безжизненный взгляд, в котором даже погасла ненависть к человеку, вялая, неуверенная поступь — всё свидетельствовало, что зверь долго не протянет. Пришлось назначить искусственное кормление.

И вот гордый леопард стиснут между двумя решётками специальной клетки. Помощник стальными клещами разжимает пасть зверя, доктор длинным пинцетом старается протолкнуть кусочки мяса между великолепными клыками. Голова леопарда прихвачена ремнём к решётке, он не может пошевелиться... И всё же он сопротивляется: выталкивает мясо языком, кашляет, полированная сталь хрустит под его зубами. В глазах зверя страдание и ненависть к мучителям.

На следующее утро доктор навестил его. Леопард лежал в той же позе, как все последние дни, — головой к окну, вытянувшись, положив голову на передние лапы. Он был мёртв.

ХИТРЕЦЫ ИЗ ТЕРРАРИУМА

Не все обитатели террариума так глупы и примитивны, как это кажется с первого взгляда. Змеи, лягушки, черепахи, крокодилы по-разному приспосабливаются к условиям неволи, и многие из них, если не умеют извлекать выгоды из приобретённого опыта, то по крайней мере избегают неприятности.

Взять, к примеру, большеглазых полозов. Это довольно красивые, очень подвижные змеи длиной не более метра. Как показывает название, у них большущие круглые глаза со светлым ободком. Их серо-голубая спинка будто прострочена мельчайшими витиеватыми узорами. Брюшко светло-жёлтое, блестящее, словно покрытое глазурью.

Первые дни, заключённые в стеклянной тюрьме, полозы ведут себя очень воинственно: стоит лишь поднести к стеклу руку, как с обратной стороны на неё набрасывается всё змеиное скопище. За толстым стеклом рука в безопасности, а вот самым атакующим достаётся крепко — бывает, в кровь разобьют свои большеглазые физиономии. Но проходит несколько дней, и полозы уже не кидаются, только шипят. Потом и вовсе перестают обращать внимание на то, что творится снаружи, за стеклянной стенкой их жилища. Зато внутри, у себя дома, они мгновенно подмечают всякий шевелящийся предмет. Просуньте к ним руку — укусят, пустите лягушек — переловят и съедят.

Любопытно отметить, что за лягушек они принимаются не сразу. Вначале полозы на виду у обречённых лягушек начинают быстро-быстро носиться вдоль стеклянных стен и лишь после этого приступают к обеду. Возможно, от движения у них возбуждается аппетит, выделяются пищеварительные соки в желудке или от разминки становится более эластичным тело, что облегчает

заглатывание добычи. Во всяком случае, не простая прихоть и уж, конечно, не желание похвастаться перед лягушками своей резвостью заставляет змей пускаться в этот необычайный бег. После него лягушки исчезают все до единой.

Но вот... что за диво! Служительница заметила как-то — одна озёрная квакушка со светлой полоской вдоль спинки каким-то образом уцелела после трапезы. Пресыщенные, отяжелевшие змеи уползли под рефлектор, а лягушка скачет себе как ни в чём не бывало.

Через пару дней — новая кормёжка, и опять одна зелёная лягушка уцелела... Но та ли самая! Служительница изловила счастливицу и отстригла ей ножницами пальчик на передней лапке. И что же вы думаете! При очередной кормёжке та же безлапая лягушка скачет себе на виду у сытых полозов. Интересно, не правда ли!

Стали наблюдать. Что же оказалось! Только вывалят полозам живой корм и полозы ринутся наперегонки в обычный бег, лягушки от паники места не находят: кидаются на стекло, лезут друг на дружку, словом, такой переполох поднимают, будто нарочно стараются привлечь к себе внимание. Ну и гибнут одна за другой.

А наша культипка! О, та ведёт себя совсем иначе. Едва закипит вокруг всеобщая паника, наша разумница скрючится в уголке и замрёт — не шелохнётся. А известно: полозы, как и ужи, потребляют только живой корм. Что не шевелится, не скачет, на то они — никакого внимания. Сытые же не польстятся и на живую лягушку — прыгай себе, пока не пришёл твой черёд.

Так вот и жила хитрая лягушка: переждёт панику, утихомирятся змеи, она и объявится. Четыре месяца обводила свирепых сожителей своих вокруг пальца, не одна сотня неразумных сородичей погибла у неё на глазах, а она целёхонька. Даже поправилась, растолстела на виду у врагов.

Конечно, было бы жаль такую умную лягушку отдавать на произвол случая. Выловила её служительница и перенесла в стеклянный ящик к другим озёрным лягушкам. Она и по сей день там живёт. Как увидите пучеглазую без одного пальчика на правой передней лапке, знайте — она и есть.

ДУТЫЙ АВТОРИТЕТ

Посмотришь на поросят — все они кажутся совершенно одинаковыми. Наверное, сама мать не различает собственных детей. Все они розовые, все визгливые, одинаково любят порезвиться, и все совершенно беззащитны.

В самом деле, львята и тигрята очень рано догадываются, для какой цели природа наградила их зубами и когтями, рано начинают соображать, что они сильнее всех прочих. Медвежата прекрасно лазают по деревьям. У лисят зубки, как острые шильца, и юркости хоть отбавляй. Горный козлёнок так может стукнуть крутым лобиком, что только держись! Да и копытцами при случае умеет пользоваться. Щенята австралийской собаки динго, волчата, пятнистые леопарды — все умеют постоять за себя.

А что может сделать обыкновенный домашний поросёнок? Он даже и бегством ни от кого не спасётся.

Хорошо ещё, что в зоопарке на площадке молодняка у юных хищников притупляются дикие инстинкты, и даже такая лакомая и лёгкая добыча, как розовый поросёночек, их не соблазняет. Однако справедливости ради следует сказать, что пронзительный поросячий визг — отнюдь не редкое явление на площадке: достаётся хрюшкам довольно часто.

Но вот однажды к звериным ребятишкам пустили Машку. Машкой звали обыкновенную домашнюю свинку. Обыкновенную только по внешности, потому что обычных для поросят добродушие и покладистости у Машки не было и в помине. Она была настоящим деспотом, к тому же капризная недотрога и неженка. Не в пример своим скромным родственникам, которые старались держаться по укромным уголкам и старательно избегали встреч с хищниками. Машка повсюду совала свой заносчиво вздёрнутый пяточок.

Во время обеда наша хрюшка не подойдёт к своему корытцу, пока не проверит, что получили к столу львята, козлята, медвежата, прочие питомцы. И удивительно! Махни только львёнок лапой — и полетела бы Машка вверх тор-

машками через всю площадку. Но львёнку даже в голову не приходит подобным образом защищать себя. Машка подкатывается к нему, львёнок с недовольным урчанием отступает, предоставляя возможность обследовать свою обеденную порцию. Машка брезгливо покатает кусок мяса пяточком и, мелко семеня копытцами, спешит к медведям. Там, случается, облюбует что-нибудь для себя — почавкает овсяной кашей, похрустит морковкой и затрусит дальше — к волчатам. И пока всех не наведает, за свою еду не примется.

В холодную пору медвежата любят полежать в тесной кучке, обогревая друг друга боками. Машка тут как тут. Нахально пробивается пяточком в самую серединку. Стоит кому-нибудь из косолапых заворчать на это бесчинство, Машка — пяточок вверх и зачистит:

— Хрю-хрю-хрю! хо-хо-хо! Кто это там голос подаёт! А ну, покажись, голубчик, я тебе задам сейчас!

И недовольный Мишка умолкает.

Однако авторитет, когда он покоится на одной заносчивости, не бывает вечным.

Поступил на площадку безобидный енотик. Поступил позже других и ничего не знал о заведённых Машкой порядках. Когда во время обеда свинка, по обыкновению, обследовала, кому что дали, енотик пристроился у водоёма отмывать свой ломтик мяса. А надо сказать, еноты никогда не станут есть немы-

тую пищу — таков уж у них обычай. Зверёк был так поглощён своим занятием, что совсем и не заметил, как сбоку вынырнул пятачок непрошенной гостью.

— Хрю, — вскинула носом Машка. — А ну-ка покажи, приятель, что ты там полощешь!

Енотик посторонился, переступив на задних лапах, а передними ещё проворнее стал теребить кусочек, опуская его в воду.

— Хо! Хрю-хрю! — возмутилась Машка. — Я же с тобой разговариваю! Ты что! Порядков не знаешь!

И она поддела невежу пятачком в бок. Енотик подхватил мясо зубами, перебежал на другую сторону водоёма и как ни в чём не бывало продолжал прерванное занятие.

Машка взбеленилась.

— Хо-хо-хо-хо! — грозно затараторила она и ринулась было в атаку, готовая достойно наказать ослушника. Против ожидания, енотик не испугался её грозного вида. Он снова перехватил мясо в зубы, а освободившейся передней лапой отвесил Машке звонкую оплеуху. Той бы, глупой, сдержаться — не выставляя своего позора на всеобщее обозрение, она же зашлась тонким, пронзительным визгом, как самый обыкновенный беззащитный поросёнок. Все зверюшки оставили еду и с интересом стали наблюдать, чем всё это кончится. Машка попыталась было взять реванш — подступила к новичку с другого бока, но stokло енотику показать ряд острых зубов, как свинка панически отступила. Где уж ей! Ни клыков, ни рогов, ни даже копыт подходящих!

И всем зверюшкам стало как будто стыдно, что эта забияка так долго командовала ими. В тот же день Машка получила шлепок от львёнка, потом её боднул козлёнок, толкнул боком Мишка — и рассыпался поросячий авторитет, как горох из худого мешка. В общие игры её по-прежнему принимали, но снимать пробу с обеденных блюд уже никто не позволял. Есть у тебя своя кормушка, в неё и тыкайся пятачком, а к другим не суйся!

Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста

Виктор Балашов
ЗА ОГРАДОЙ ЗООПАРКА
Третье издание

К И С Т И

Ю. БОГОВОДСКОГО

Редактор Е. Рыжова. Художественный редактор Д. Пчёлкина.
Технический редактор Е. Соколова. Корректор С. Бланкштейн.
Сдано в производство 19/VIII-68 г. Подписано к печати 27/I-70 г.
Бумага № 60X90/8. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,93.
Тираж 150 000. Заказ № 187. Изд. № 215.
По оригиналам издательства «МАЛЫШ»
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Московский комбинат бумажных изделий Главного управления
промышленности по производству игрушек «Росглавигрушка» Министерства легкой
промышленности РСФСР Москва, Люсиновская, 30